8. Li Chenyang. The Confucian Concept of Jen and the Feminist Ethics of Care: A Comparative Study // Hypatia. – 1994. – Vol. 9, No. 1. – P. 70–89. – DOI: 10.1111/j.1527-2001.1994.tb00110.x.
9. Luo Shirong. Relation, Virtue, and Relational Virtue: Three Concepts of Caring // Hypatia. – 2007. – Vol. 22, No. 3. – P. 92–110. – DOI: 10.1111/j.1527-2001.2007.tb01092.x.
10.Star D. Do Confucians Really Care? A Defense of the Distinctiveness of Care Ethics: A Reply to Chenyang Li // Hypatia. – 2002. – Vol. 17, No. 1. – P. 77–106. – DOI: 10.1111/j.1527-2001.2002.tb00681.x.
11.Наурузбаев Д. М., Алтаев Ж. А., Абдимомынов Н. Т. Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни о добродетельном лидерстве: средневековый тюрко-исламский философский дискурс в «Кутадгу Билиг» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 450–466. – DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-2-450-466.
12.Sıdıkova Ç. Kutadgu Bilig Eserindeki Görgü Kurallarının Kırgız Atasözlerinde Görünümü // Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi. – 2019. – Vol. 4, No. 2. – P. 298–314. – DOI: 10.32321/cutad.620724.
13.Epley K. M. Care Ethics and Confucianism: Caring through Li // Hypatia. – 2015. – Vol. 30, No. 4. – P. 881–896. – DOI: 10.1111/hypa.12158.
14.Доолотбакова Р. Жусуп Баласагын – государственный и общественный деятель // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 29–36.

Рецензент: философия илимдеринин доктору, профессор Осмонова Д.А.

УДК 1(510:575.2)
DOI 10.58649/1694-9099-2026-3-348-353

Юй Цзи, Абдрасулов С.М., Шайылдаева А.К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Юй Цзи, Абдрасулов С.М., Шайылдаева А.К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Yu Ji, Abdrasulov S.M., Shaiyldaeva A.K.
KNU Jusup Balasagyn

ORCID 0009-0002-7349-6599
ORCID 0009-0003-6412-829X
ORCID 0009-0002-4242-5587

КЫТАЙ ФИЛОСОФИЯСЫНЫН ИДЕЯЛАРЫНЫН КЫРГЫЗДАРДЫН РУХАНИЙ МАДАНИЯТЫНДА ЧАГЫЛДЫРЫЛЫШЫ
ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗОВ
REFLECTION OF CHINESE PHILOSOPHICAL IDEAS IN THE SPIRITUAL CULTURE OF THE KYRGYZ PEOPLE

Кыскача мүнөздөмө: Макалада кытай философиясынын айрым идеялары кыргыздардын руханий маданияты менен салыштырма-философиялык негизде каралат. Негизги көңүл Конфуций философиясындагы адамгерчилик, улууларды жана ата-энени урматтоо, адеп-ахлактык өзүн-өзү өркүндөтүү жана гармония принциптерине бурулат. Бул идеялар кыргыз элинин руханий маданиятында калыптанган адамгерчилик, үй-бүлөлүк жоопкерчилик, улууларды урматтоо, ынтымак жана адилеттүүлүк жөнүндөгү түшүнүктөр менен салыштырылат. Кыргыз философиялык ой жүгүртүүсүнүн өзгөчөлүктөрү жана Жусуп Баласагындын «Кутадгу билиг» чыгармасындагы адеп-ахлактык баалуулуктар талданат. Изилдөөдө салыштырма-философиялык, тарыхый-философиялык

жана герменевтикалык методдор колдонулду. Авторлор окшош идеяларды түздөн-түз тарыхый таасирдин далили катары кароого болбой тургандыгын белгилешет. Изилдөөнүн илимий жаңылыгы кытай жана кыргыз руханий салттарындагы окшош баалуулуктарды типологиялык жактан салыштырып, алардын мазмундук жакындыгын жана маданий өзгөчөлүктөрүн аныктоодо турат.

Аннотация: В статье проводится сравнительно-философский анализ отдельных идей китайской философии и нравственных представлений, сформировавшихся в духовной культуре кыргызов. Основное внимание уделяется принципам человеколюбия, уважения к родителям и старшим, нравственного самосовершенствования и гармонии в философии Конфуция. Эти идеи сопоставляются с представлениями об адамгерчилик, семейной ответственности, уважении к старшим, согласии и справедливости в кыргызской духовной традиции. Рассматриваются особенности развития философской мысли кыргызов и нравственно-философское содержание «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына. Методологическую основу исследования составили сравнительно-философский, историко-философский и герменевтический методы. Авторы разграничивают типологическое сходство нравственных идей и их прямое историческое заимствование. Научная новизна исследования заключается в выявлении смысловых параллелей китайской и кыргызской духовных традиций при сохранении их исторической и культурной самостоятельности.

Ключевые слова: китайская философия; кыргызская философия; духовная культура; Конфуций; человеколюбие; гармония; «Кутадгу билиг».

Abstract: The article provides a comparative philosophical analysis of selected ideas of Chinese philosophy and moral concepts formed within the spiritual culture of the Kyrgyz people. Particular attention is paid to the Confucian principles of humaneness, respect for parents and elders, moral self-cultivation, and harmony. These ideas are compared with the concepts of *adamgerchilik* (humaneness), family responsibility, respect for elders, social concord, and justice in the Kyrgyz spiritual tradition. The study also examines the development of Kyrgyz philosophical thought and the moral and philosophical content of Jusup Balasagyn's *Kutadgu Bilig*. The methodological framework combines comparative-philosophical, historical-philosophical, and hermeneutic approaches. The authors distinguish between typological similarities of moral ideas and direct historical borrowing. The scientific novelty of the study lies in identifying semantic parallels between Chinese and Kyrgyz spiritual traditions while recognizing their historical and cultural distinctiveness.

Негизги сөздөр: кытай философиясы; кыргыз философиясы; руханий маданият; Конфуций; адамгерчилик; гармония; «Кутадгу билиг».

Ключевые слова: китайская философия; кыргызская философия; духовная культура; Конфуций; человеколюбие; гармония; «Кутадгу билиг».

Keywords: Chinese philosophy; Kyrgyz philosophy; spiritual culture; Confucius; humaneness; harmony; *Kutadgu Bilig*.

Расширение культурных и образовательных контактов Кыргызстана и Китая усиливает интерес к философскому наследию двух народов. Современное взаимодействие проявляется в изучении китайского языка, образовательных программах, академическом обмене и деятельности Институтов Конфуция. Ж. О. Омурова, Ю. А. Лысенко и А. М. Кылычев показывают, что Институты Конфуция стали одним из институциональных каналов распространения китайского языка и культуры в Кыргызстане [1, с. 226–239].

Однако научный интерес представляет не только современный этап взаимодействия. В китайской и кыргызской духовных традициях можно обнаружить близкие по смыслу представления о нравственности человека, семье, уважении к старшим, общественном согласии и ответственности. Такое сходство требует осторожного анализа. Само наличие близких ценностей еще не доказывает, что одна культура непосредственно заимствовала их у другой.

Поэтому в данной статье понятие «отражение» используется прежде всего в сравнительно-философском смысле. Речь идет о выявлении смысловых параллелей и различий между двумя самостоятельными духовными традициями.

Цель исследования — выявить смысловые параллели между отдельными идеями китайской философии и нравственно-философскими представлениями кыргызской духовной культуры.

Для достижения цели рассматриваются категории *ren* (仁), *xiao* (孝), *li* (礼) и *he* (和), анализируются особенности кыргызской философской мысли и нравственные идеи «Кутадгу билиг», а также определяется граница между типологическим сходством и прямым культурным влиянием.

Научная новизна исследования состоит в том, что китайская и кыргызская традиции сопоставляются не по принципу поиска прямых заимствований, а через нравственно-философское содержание основных ценностей. Такой подход позволяет одновременно показать точки соприкосновения двух культур и сохранить понимание самостоятельности их исторического развития.

Обзор литературы и методы исследования

Основным источником для анализа философии Конфуция являются «Беседы и суждения» («Лунь юй»). В тексте раскрываются представления о человеколюбии, почитании родителей, нравственном поведении и совершенствовании личности [2, гл. 1.2; 2.7; 12.22].

Особое значение для исследования имеет работа Chenyang Li, посвященная философии гармонии в классическом конфуцианстве. Автор рассматривает гармонию как принцип, действующий на разных уровнях — от внутреннего состояния личности и семейных отношений до общества и отношения человека к окружающему миру [3, с. 423–435]. В более поздней работе Chenyang Li и Dascha Düring гармония анализируется как личная, социальная и космическая добродетель [4, с. 21–42].

Кыргызская сторона исследования опирается прежде всего на работу Ы. М. Мукасова. Ученый отмечает, что философская мысль являлась частью духовной культуры кыргызского народа, однако в прошлом она не всегда существовала в форме целостных теоретических систем. Она выражалась в философских идеях, представлениях и мировоззренческих установках [5, с. 177–181]. Это положение важно для настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать кыргызскую философскую традицию с учетом особенностей ее исторического развития.

Нравственно-философская проблематика «Кутадгу билиг» раскрывается в исследовании Д. М. Наурузбаева, Ж. А. Алтаева и Н. Т. Абдимомынова. Авторы выделяют в произведении Жусупа Баласагына такие принципы, как справедливость, мудрость, нравственная добродетель и умеренность, связывая их с представлением о нравственно ответственном правителе [6, с. 450–466].

Важен и сравнительный анализ Ч. Сыдыковой, которая рассматривает нормы поведения, представленные в «Кутадгу билиг», в сопоставлении с кыргызскими пословицами. Исследование показывает наличие смысловой преемственности между общетюркским письменным наследием и нравственными представлениями, закрепившимися в кыргызской устной культуре [7, с. 298–314].

Методологическую основу статьи составляют сравнительно-философский, историко-философский и герменевтический методы. Сравнительный метод используется для выявления смысловых параллелей; историко-философский — для учета различий культурных и исторических условий; герменевтический — для интерпретации философских категорий и текстов.

Результаты исследования и их обсуждение. Человеколюбие *ren* и кыргызское представление об адамгерчилик. Одной из центральных категорий философии Конфуция является *ren* (仁). На русский язык она передается словами «человеколюбие», «гуманность», «человечность». Однако ее содержание шире отдельного нравственного качества. *Ren* раскрывается прежде всего в отношении человека к другим людям. В «Лунь юй» нравственное совершенствование личности постоянно связывается с ее поведением в семье и обществе [2, гл. 1.2; 12.22]. Такой подход показывает, что человек в философии Конфуция не рассматривается изолированно. Его нравственные качества становятся видимыми в отношениях и поступках.

В кыргызской духовной культуре близкую смысловую функцию выполняет понятие адамгерчилик. Оно связано с человечностью, достоинством, уважительным отношением к

окружающим, ответственностью за свои поступки и готовностью учитывать интересы другого человека.

Однако *ren* и *адамгерчилик* нельзя полностью отождествлять. Они возникли в разных культурных и исторических условиях. Смысловая близость заключается в другом: в обеих традициях нравственная ценность человека определяется не только его личными качествами, но и характером отношений с окружающими.

Ы. М. Мукасов отмечает, что философская мысль кыргызов исторически проявлялась в духовной культуре через идеи, представления и мировоззренческие установки [5, с. 177–181]. Поэтому нравственные категории кыргызской культуры необходимо рассматривать не только как бытовые правила поведения, но и как форму осмысления человека и его места в обществе.

Таким образом, *ren* и *адамгерчилик* обнаруживают важную типологическую параллель: человечность раскрывается через отношение к другому человеку. *Xiao*, семья и уважение к старшим.

Значительное место в философии Конфуция занимает *xiao* (孝) — почитание родителей и уважение к старшим. Семья рассматривается как первоначальное пространство нравственного воспитания.

Особенно показательно положение «Лунь юй», согласно которому забота о родителях не должна ограничиваться их материальным содержанием. Существенным нравственным условием является уважение [2, гл. 2.7].

Тем самым семейная обязанность приобретает нравственное содержание.

В кыргызской культуре уважение к родителям и старшему поколению также относится к устойчивым нравственным ценностям. Старшие выступают носителями жизненного опыта, семейной памяти и традиции. Через отношения между поколениями происходит передача представлений о допустимом и недопустимом поведении.

Здесь также нельзя говорить о прямом совпадении двух традиций. Конфуцианская философия создала специальный понятийный язык, в котором *xiao* стало самостоятельной нравственной категорией. В кыргызской традиции соответствующие нормы длительное время передавались преимущественно через воспитание, устное слово, обычай и повседневное поведение.

Тем не менее в обоих случаях семья оказывается пространством, где нравственные ценности не просто декларируются, а практически усваиваются человеком.

Гармония *he* и идея согласия

Одной из наиболее содержательных точек для сравнительного анализа является китайская категория *he* (和) — гармония.

Chenyang Li показывает, что в классической конфуцианской традиции гармония имеет многоуровневый характер. Она относится к внутреннему состоянию личности, семейным отношениям, общественной жизни и более широкому взаимодействию человека с миром [3, с. 423–435].

Особенность такого понимания состоит в том, что гармония не тождественна одинаковости. Ее смысл заключается в согласовании различных элементов при сохранении их особенностей. Chenyang Li и Dascha Düring также рассматривают гармонию в конфуцианской традиции как личную, социальную и космическую добродетель [4, с. 21–42].

В кыргызской духовной культуре большое значение имеют согласие, взаимное уважение и сохранение единства семьи и сообщества. Эти представления формировались в иной культурной среде, поэтому их нельзя считать прямым продолжением китайского *he*.

Тем не менее смысловая параллель очевидна: общественная устойчивость достигается не устранением различий между людьми, а способностью согласовывать интересы и сохранять отношения.

Именно в этом аспекте китайское понятие гармонии представляет особый интерес для сравнительной философии. Оно позволяет увидеть, что разные культурные традиции могли самостоятельно прийти к пониманию ценности согласия.

Нравственный идеал в «Кутадгу билиг»

Особое место в духовном наследии народов Центральной Азии занимает «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына. Произведение возникло значительно позднее классической философии Конфуция и относится к средневековой тюркско-исламской интеллектуальной традиции. Поэтому методологически неверно рассматривать его как результат непосредственного развития китайской философии.

Вместе с тем содержание «Кутадгу билиг» позволяет проводить сравнительно-философский анализ.

Д. М. Наурузбаев, Ж. А. Алтаев и Н. Т. Абдимомынов показывают, что важное место в произведении занимают справедливость, мудрость, нравственная добродетель и умеренность. Особое внимание уделяется нравственным качествам правителя и его ответственности перед обществом [6, с. 450–466].

Здесь можно обнаружить смысловую параллель с конфуцианской философией. В обеих традициях общественный порядок связывается не только с формальными правилами управления, но и с нравственными качествами человека.

Для Жусупа Баласагына справедливость и мудрость имеют практическое значение: от качеств правителя зависит благополучие общества. Исследователи отмечают, что в «Кутадгу билиг» нравственные и интеллектуальные добродетели рассматриваются как необходимые качества достойного правителя [6, с. 450–466].

Сходная логика характерна для философии Конфуция, где нравственное совершенствование личности непосредственно связано с отношениями в семье и обществе.

При этом основания двух учений различаются. Поэтому речь должна идти не о заимствовании, а о сопоставимости нравственно-философской проблематики.

Исследование Ч. Сыдыковой показывает, что нормы поведения, представленные в «Кутадгу билиг», имеют смысловые соответствия в кыргызских пословицах. Автор рассматривает такие темы, как отношение к старшим, воспитание, культура речи, гостеприимство и нормы общественного поведения [7, с. 298–314].

Это позволяет говорить о том, что ряд нравственных ценностей средневековой тюркской письменной традиции получил продолжение в устной культуре кыргызов.

Типологическое сходство и культурное влияние. Проведенное сопоставление требует разграничения двух понятий — сходство и влияние. Сходные представления о человеколюбии, семье, уважении к старшим, нравственности и гармонии могут возникать в различных культурах независимо друг от друга. Для доказательства прямого влияния необходимо установить конкретный исторический канал передачи философской идеи.

Поэтому близость между *ren* и *адамгерчилик*, между *xiao* и кыргызским уважением к старшим или между *he* и представлениями о согласии следует прежде всего рассматривать как типологическое сходство нравственных ценностей.

Современный период имеет другую специфику. Сегодня существуют непосредственные институциональные формы знакомства с китайским языком и культурой. Исследование Ж. О. Омуровой, Ю. А. Лысенко и А. М. Кылычева показывает роль Институтов Конфуция в распространении китайского языка и культуры в Кыргызстане [1, с. 226–239].

Таким образом, если при анализе исторической духовной культуры необходимо осторожно относиться к утверждениям о прямом влиянии, то современное китайско-кыргызское культурное взаимодействие имеет конкретные образовательные и институциональные каналы.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование показало, что китайская и кыргызская духовные традиции имеют ряд содержательных точек соприкосновения. Наиболее отчетливо они проявляются в понимании нравственного отношения к другому человеку, роли семьи, уважения к старшим, значения гармонии и ответственности личности перед обществом.

Категория *ren* и кыргызское понятие *адамгерчилик* сближает представление о человеке как о существе, нравственные качества которого раскрываются в отношениях с окружающими. Конфуцианское *xiao* и традиционное кыргызское уважение к старшим показывают значение семьи и межпоколенческой преемственности. Категория *he* позволяет сопоставить китайское философское понимание гармонии с ценностью согласия в кыргызской духовной культуре.

В «Кутадгу билиг» нравственная проблематика получает самостоятельное тюркско-исламское философское выражение. Справедливость, мудрость, умеренность и ответственность человека рассматриваются как условия достойного поведения и общественного порядка [6, с. 450–466]. Связь отдельных положений произведения с кыргызской пословичной традицией подтверждает устойчивость ряда нравственных представлений в культуре кыргызов [7, с. 298–314].

Вместе с тем обнаруженные параллели не следует автоматически интерпретировать как доказательство прямого влияния китайской философии на кыргызскую духовную культуру. Научно обоснованнее рассматривать их как типологическое сходство самостоятельных культурных традиций, если отсутствуют исторические свидетельства непосредственного заимствования.

На современном этапе ситуация меняется: образовательные и культурные контакты создают прямые каналы знакомства кыргызстанского общества с китайской культурой [1, с. 226–239].

Таким образом, основной результат исследования состоит в установлении смысловой близости ряда нравственно-философских ценностей китайской и кыргызской традиций при сохранении их культурной самостоятельности. Такой подход позволяет рассматривать диалог двух философских культур не как поиск происхождения одной традиции из другой, а как возможность сопоставления различных способов осмысления общих вопросов человеческого существования.

В дальнейших исследованиях целесообразно более подробно изучить исторические каналы культурных контактов Китая и Центральной Азии, а также провести эмпирическое исследование восприятия китайских философских идей современными студентами и молодежью Кыргызстана.

Список использованной литературы

1. Омурова Ж. О., Лысенко Ю. А., Кылычев А. М. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Китая в Кыргызстане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2023. — Т. 28, № 2. — С. 226–239.
2. Конфуций. Беседы и суждения / пер. с кит. П. С. Попова. — М.: АСТ, 2022. — 224 с. — ISBN 978-5-17-152148-6.
3. Li Chenyang. The Philosophy of Harmony in Classical Confucianism // Philosophy Compass. — 2008. — Vol. 3, No. 3. — P. 423–435.
4. Li Chenyang, Düring D. Harmony as a Virtue in Confucianism // The Virtue of Harmony / ed. by Chenyang Li, Dascha Düring. — Oxford: Oxford University Press, 2022. — P. 21–42.
5. Мукасов Ы. М. Философские мысли в контексте духовной культуры // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. — 2022. — № 3. — С. 177–181.
6. Наурузбаев Д. М., Алтаев Ж. А., Абдимомынов Н. Т. Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни о добродетельном лидерстве: средневековый тюрко-исламский философский дискурс в «Кутадгу Билиг» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2024. — Т. 28, № 2. — С. 450–466.
7. Sıdıkova Ç. Kutadgu Bilig Eserindeki Görgü Kurallarının Kırgız Atasözlerinde Görünümü // Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi. — 2019. — Vol. 4, No. 2.

Рецензент: доктор философских наук, профессор Осмонова Д.А.